

Невольно возникает впечатление, что Кремль воспользовался первым попавшимся под руку предложением для того, чтобы резко ужесточить позицию по отношению к Западу и, особенно, США. Скорее всего, расчет делается на то, что виртуальная перезагрузка является единственным (правда, столь же виртуальным) достижением президента Обамы на международной арене, и для того, чтобы ее сохранить, он пойдет на очередные уступки. Это, по расчетам Москвы, будет означать, что Запад не способен дать отпор российским ультимативным требованиям в отношении других регионов и других проблем. В этом случае можно ожидать нарастания российского давления на Грузию, вплоть до новой агрессии, на Прибалтику и Восточно-Центральную Европу. Если же США и НАТО отвергнут российские притязания, что, собственно и происходит, то новое обострение отношений с ними послужит предлогом для увеличения военного бюджета и дальнейшего закручивания гаек внутри страны. Как заметил однажды В.С. Черномырдин, «нас никто не может упрекнуть в добрых намерениях»¹⁷.

ИТАК

В Европе появились первые признаки переосмысления устоявшихся взглядов и стратегических установок. Но произойдет ли такое изменение и если да, то когда именно, пока неясно. На Ближнем Востоке назревает обострение арабо-израильского конфликта. Не видно перемен во внешней политике демократической администрации США. Москва нагнетает напряженность в отношениях с Западом. Иными словами, причин ожидать, что международная политика в ближайшие месяцы изменится к лучшему, нет. Все может даже измениться к худшему.

Юрий Федоров



ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: НУЛЕВЫЕ ПОЗАДИ — ВРЕМЯ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ

— У вас есть Твиттер?
— Нет, я его вылечил.

Если считать, что XXI в. начался 11 сентября 2001 г. — а это, думается, правильная точка отсчета, если не хронологически, то уж точно с политической точки зрения, — то можно считать, что первое десятилетие нового века закончилось хронологически почти в срок, что для исторического процесса, согласитесь, редкость. К примеру, XX в. начался с Первой мировой войны, а закончился в декабре 1991 г., после чего началось мучительное и стратегически бессмысленное, жестокое и какое-то, да простят мне этот термин, муторное выстраивание *нового мирового порядка*.

Теперь события начинают приобретать присущий мировой истории динамизм, а с ним и остроту, которую подчеркивают многочисленные и, возможно, неслучайные стихийные бедствия, то тут, то там проверяющие на прочность национальные государства, которые с момента прекращения противоборства наднациональных идеологических систем, которое было по праву символом века XX, остаются основой системы международных отношений. Стоит согласиться, наверное, и с тем, что течение исторического процесса в последние полгода начинает приобретать явную осмысленность. То есть осмысленным оно было вообще-то и раньше, просто еще год назад логика вуалировалась разного рода событийной и информационной *шелухой*. Теперь же логика нового века предстает во всей красе, нравится она нам или нет.

В какой-то мере мы можем говорить о том, что ближайшее время — полтора, два, может быть, три года станут своего рода проверкой национальных государств, пусть даже объединенных в наднациональные союзы, на прочность, на адекватность современных политическим и экономическим вызовам. Что самое главное и что, вероятно, является ключевой посылкой нынешнего обзора — это существенный рост значения

не просто военно-политических вызовов, а вызовов силовых как в глобальном масштабе, так и применительно к нашей стране. Так что наступает действительно интересное время для политиков и политологов. Вот только жить в нем обывателю, кажется, будет куда менее комфортно.

НОВЫЙ МИР: ПОСТБЕНЛАДЕНОВСКИЙ ИЛИ ПОСТФУКУСИМСКИЙ?

Казалось бы, вопрос странный: очевидно, что смерть *террориста номер один* в мире и авария на японской АЭС, пусть даже и с тяжелыми последствиями, по своему влиянию на проблематику военно-политической безопасности в мире не могут даже сравниваться. Но это только на первый взгляд. Достаточно начать разбираться в деталях, и картина становится существенно более сложной.

История с *ликвидацией* (и в данном случае этот термин как никогда точно отражает существо дела) человека, внешне похожего на бен Ладена (который, правда, судя по *домашнему видео*, оказался правой, а не левой, как известный террорист), замечательна и даже где-то забавна. Особенно ее завершающая часть, которую с полной уверенностью можно назвать, да простят мне этот каламбур, *концы в воду*. Мы даже не будем сейчас рассуждать, действительно ли это был бен Ладен и действительно ли его убили в пригороде Исламабада. Хотя вообще-то версия иранских источников о том, что он умер своей смертью еще год назад, выглядит правдоподобно. Во всяком случае, думаю, иранцы знают, что говорят. Но не это главное. Поговорим о том, что меняет смерть бен Ладена в глобальном масштабе.

И выясняется, что, в сущности, она не меняет ничего. Ведь уже несколько лет Усама бен Ладен — и, к слову, объявленные обстоятельства его ликвидации это только подтвердили — утратил все основные возможности руководства террористической деятельностью. Невозможно руководить не то, чтобы террористическим интернационалом, но даже мелкой группировкой из бункера, в котором нет ни интернета, ни мобильного телефона. Показательно и то что последние два года об Аль-Каиде если и было что-то слышно, то только о том, что она вроде бы где-то что-то готовит, да и приходили эти сведения, как нарочно, из американских источников. Только вот ни одного действия эта могучая Аль-Каида не совершила, если не считать попыток *примазаться* постфактум к действиям каких-то более мелких группировок. А реальное оживление радикальных исламистских тенденций отмечено как раз в результате *сетевых революций*, которые наши американские партнеры и стимулировали. Кстати, то же касается и судьбы муллы Омара, лидера талибов, которого якобы убили в конце мая на северо-западе Пакистана. Интересно, как он руководил действиями талибов в Афганистане, в которых явно видны признаки наличия единого координирующего центра, находясь где-то в отдаленной местности Пакистана? Смс-ки посылал?

То есть, подводя итог, ничего стратегически важного в устранении Усамы бен Ладена (даже если принять американскую версию событий) не было. Если, конечно, не считать сравнительно высокой вероятности возникновения нового культа мученика, но и это происходит как-то натужно. Уж больно личность бен Ладена была мутной даже по меркам издававших виды радикальных исламистов. И обстоятельства его якобы гибели только подчеркнули степень этой мутности. Как говорится, мутно жил и мутно умер...

Напротив, ситуация вокруг АЭС *Фукусима-1* формирует принципиально новый геополитический контекст, причем не только и не столько на Дальнем Востоке, сколько во всей Азии. Назовем только два аспекта этой геополитической новизны. Стало совершенно очевидно, что экономический рост в регионе (возможно, исключая Индию) в обозримой перспективе будет поддерживаться на основе углеводородной энергетики. Думается, что даже Китай, не говоря уже о других странах, пересмотрит свое сверхоптимистическое отношение к перспективам развития собственной атомной энергетики. А это значит, что нас ожидает продолжение — даже с учетом возможности второй волны глобального экономического кризиса — роста спроса на класси-



ческие углеводороды и, как следствие, обострение вопроса о *справедливых ценах на нефть*, т. е. фактически контроле над углеводородами. А контроль над углеводородами — это политика. И политика, как правило, силовая. Кто сомневается — может спросить у Муаммара Каддафи.

Но самое главное то, что по господствовавшей в последние 60 лет в Японии идее о возможности *локального коммунизма*, т. е. обустройства жизненного пространства для японцев исключительно в пределах самой Японии, нанесен тяжелейший удар. Японское общество почувствовало себя абсолютно уязвимым, если не сказать — беззащитным, хотя действия японской элиты вызывают уважение, особенно на фоне того, что мы видели прошлым летом в России. И как японское общество сможет с ним справиться — большой вопрос, учитывая, что на уровне японской элиты уже лет 15 слышны очень разные мысли относительно новой региональной роли Японии. И теперь у этих мыслей появляется весьма мощный фундамент — *по-старому* японское общество жить не только не хочет, но уже и не может.

Из нынешнего состояния у Японии есть, пожалуй, только три очевидных выхода: рывок в постиндустриальное общество, что будет крайне сложно как технологически, так и с точки зрения необходимости сброса избыточных социальных обязательств, да и сама концепция постиндустриальных анклавов сейчас выглядит более чем спорно, глубокое партнерство с Россией и создание некоей ресурсно-технологической *ксении* (этнологический термин, означает сожительство, сосуществование без ассимиляции), на что японская элита не способна ни политически, ни психологически, или, наконец, возврат к традиционным моделям японской геоэкономики, а значит и геополитики. Что они представляют собой, любой желающий может прочитать в учебнике истории. И если Япония выберет в итоге (а это станет ясно года через три-четыре — глубочайшие структурные проблемы японской экономики — последствия последнего землетрясения — заставляют японскую элиту действовать в условиях цейтнота) именно этот, последний вариант, мало не покажется никому.

А вы говорите, Усама бен Ладен...

СЕТЕВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Кажется, про сетевые революции в арабских странах сказано уже все или почти все. И чем дольше продолжается этот *революционный подъем*, тем скучнее на него смотреть и комментировать. В конечном счете, уже понятно, как и какими инструментами формируются условия для *сетевых революций*, как и кто ими управляет. Более того, примерно понятно, как с ними бороться, не доводя дело до бойни, подобной той, что происходит в Ливии и кровопускания по пятницам, которое захватило Сирию. Единственно в этой, согласимся, грандиозной и имеющей глобальное значение истории, что продолжает оставаться интересным, значимым, является то, где, как и когда сетевые революции будут остановлены и могут ли они быть остановлены в принципе.

И тут встает главный вопрос: насколько у США получится ограничить *сетевой эффект* только теми странами, режимы которых США приняли решение менять на данном историческом этапе. Уже сейчас видны очень жесткие попытки американцев и саудовцев не допустить сетевых революций в Бахрейне, Катаре, да и в самой Саудовской Аравии, которая как-то внезапно перестала выдавать туристические визы в принципе. И это симптом, как симптомом является экстренное выделение саудовцами Египту 4 млрд долл. помощи. Насколько эти действия будут успешны, сказать сложно; в конечном счете у таких процессов, как политическая дестабилизация, есть отложенный эффект, когда ситуация может взорваться как бы *на ровном месте* через год-два после того, как все неприятности, казалось бы, завершились.

И, вероятно, в США это прекрасно понимают. Именно поэтому как продолжение *сетевых революций* появилась идея *перезагрузки* отношений с арабскими страна-



ми, вернее не со странами, поскольку государственные структуры арабских стран в современных условиях вещь довольно условная и зыбкая, а с арабскими обществами. Общества эти, как мы понимаем, до известной степени трансграничны, до известной степени политизированы, а главное — до известной степени глобализированы. Я говорю не о доставке свежего мороженого и клубники из Парижа к обеду для супруги тунисского президента. Прежде всего я говорю о наличии весьма диверсифицированных инвестиций, источником которых является арабский мир, и речь здесь не только о нефтедолларах, хотя и о них тоже. Эта финансовая система, если разобраться, является на сегодняшний день единственной реальной альтернативой долларовой экономике и контролируемой из США мировой финансовой системе. В условиях нарастающих проблем во внутренней американской экономике именно наличие альтернативы господству доллара и каналов, обеспечивающих его циркулирование по миру, становится ключевой опасностью для американцентричной системы мировых финансов. Так что США пошли на сценарий дестабилизации Ближнего Востока неспроста — вероятно, это был единственный вариант нейтрализации крайне опасных для них долгосрочных тенденций на финансовом рынке.

Конечно, на первый взгляд *перезагрузка* отношений с арабским миром пока что выразилась в выдвигании лозунга свободных выборов и провозглашении забытого лозунга об уходе Израиля со всех оккупированных (или лучше сказать завоеванных?) в 1967 г. земель. Понятно, что про демократию в арабском мире, скорее всего, сказано *для фона*, хотя, как знать — нынешнюю администрацию порой посещают различные экзотические мысли. Так что главное — решение территориального вопроса на базе резолюции СБ ООН 242. И если наш диагноз верен, то не является ли идея *перезагрузки* отношений с арабскими странами попыткой *приручить* разбухшие сетевыми революциями силы, пожертвовать малым, чтобы сохранить контроль над процессами в регионе в целом. Конечно, США не собираются жертвовать Израилем как таковым — рано пока, черед пожертвовать Израилем придет как раз если нынешняя стратегия окажется провальной. А пока военное превосходство Израиля над арабами слишком велико, да и нынешняя вашингтонская администрация на столь значительную жертву пойти не сможет по внутриполитическим соображениям. Пожертвовать придется сущим пустячком: ощущением геополитического комфорта, которое у Израиля есть в последние 20 лет и к которому израильское руководство привыкло настолько, что забыло, что когда-то было по-другому. Ну а после *жертвы качества* и на фоне неизбежной истерики израильской элиты с обвинениями Обамы в том, что он скрытый мусульманин и вообще антисемит, можно будет попытаться, втянув арабские элиты, включая исламистов нынешней — четвертой — волны в диалог, дожидаться, когда под грузом внутренних противоречий и экономических проблем они сами согласятся на главенство Вашингтона, забыв об обещаниях разобраться с *американским Сатаной*. Так можно выиграть еще лет семь, а то и 10. А это в нынешних условиях существования США — почти вечность.

Но самое главное, что, кажется, прошло мимо взора наблюдателей, так это то, что, по сути, происходит девиртуализация американской внешней политики применительно к конкретному региону, к конкретному, как говорят *эффективные менеджеры, кейсу*. США — если у них получится данный маневр — дадут *прогрессивному человечеству*, обвешенному *iPad*'ами и *iPhone*'ами, красивый урок того, как конвертировать виртуальное влияние в реальные внешнеполитические дивиденды. Во всяком случае, как попытаться это сделать.

Мораль: наличие *айпода* не свидетельствует о способности политика оперировать в современной системе миропорядка. В принципе, даже если этот анализ верен, это не говорит о том, что ситуация с сетевыми революциями выходит из-под контроля вашингтонских кукловодов, хотя отдельные признаки этого имеются в некоторых странах Персидского залива. Но есть и приятная новость: если диагноз верен, то значительная часть дипломатических, силовых и финансовых ресурсов США будет в ближайшие годы, вероятно, на протяжении всего второго срока президентства Барака



Чун-Шэн Тян (Китай), исполнительный директор Китайской ассоциации экономических и политических исследований России и Центральной и Восточной Европы — по электронной почте из Пекина: Возрастающие глобальные экономические риски — основная угроза безопасности Китая. Несмотря на постепенное выздоровление мировой экономики снизить инфляционное давление так и не удалось. Для Китая в одиночку сложно сдержать темпы инфляции. Это в свою очередь ведет к снижению темпов роста китайской экономики. В 2011 г. рост экономики Китая не превысит 10%. Валютные резервы Поднебесной составляют более трех трлн долл. США, а это — 50% от общего объема ВВП Китая в 2010 г. Возникает сложность управления такими объемами валютных резервов, учитывая, что они практически полностью находятся в американских долларах. Снижение обменного курса Китая — это прежде всего проблема безопасности валютных резервов в Китае. Главной проблемой мировых финансовых рынков станут неустойчивые валютные курсы. Американский доллар и другие основные валюты вступают в период флуктуации, что отразится на обменном курсе юаня. Политические риски также начинают оказывать все большее воздействие на мировую экономику.

Обамы (кто-то сомневается, что его переизберут?) задействована именно на этом направлении. Что, надеюсь, даст нашей стране еще некоторое время, чтобы разобраться со своими внутренними делами.

ЗАБЫВАЮЩАЯСЯ РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ЧТО ДАЛЬШЕ

Создается впечатление, что люди, которые в России отвечают за развитие вооруженных сил, поставили тем, кто назначен отвечать за информирование сограждан об их реформировании и о том, что теперь *броня крепка*, задачу сделать так, чтобы все поскорее забыли о том, что такая реформа в принципе была и что вооруженные силы в России в принципе есть. Вероятно, эту задачу не дает выполнить только мощная фигура *любимца публики* министра А.Э. Сердюкова, веселящего народ очередной новацией, и периодические скандалы с воинами-кавказцами, наводящими в армии порядок. Однако если говорить серьезно, то, вероятно, стремление *забыть реформу* связано не столько с ее неудачным исходом, сколько с тем, что вообще-то по окончании любой военной реформы вооруженные силы принято начинать развивать. А у нас среди военного руководства, судя по всему, никаких вменяемых идей относительно того, куда дальше развивать сокращенные вооруженные силы, просто нет. И если раньше этот концептуальный вакуум можно было скрыть масштабом сокращений, теперь он становится все более очевидным.

При всей объективности происходящих в российской военной системе изменений и сокращений, назревших, безусловно, мы проходим мимо вопроса о том, зачем России нужны вооруженные силы. А вообще-то этот вопрос предшествует рассуждениям на тему того, какие России нужны вооруженные силы. Иными словами, сперва необходимо определить спектр ситуаций, в которых Россия будет вынуждена применять свои вооруженные силы и только затем определить их структуру и, как принято говорить в военной среде, *наряд сил и средств*. Ничего подобного сделано не было, и именно отсутствие проработки вопроса о целях и задачах российских вооруженных сил позволяет с относительной легкостью ставить под сомнение проведенную с постсоветской армией вивисекцию.

Понимаю, что какого-то внятного ответа от российского военного ведомства в ближайшее время получить не удастся. И наше Министерство обороны можно понять: современные российские вооруженные силы являют собой иллюстрацию пошловатой песенки «я его слепила из того, что было» хоть и одетую в одинаковые береты и странного полутюремного вида робы. И закупать вооружение наше Министерство обороны еще некоторое время будет не то, которое нужно для войны, а то, которое нужно по другим соображениям.

Однако все же хочется сформулировать некоторые вопросы, ответы на которые мы надеемся получить когда-нибудь:

- ❑ Мы действительно считаем, что сформировавшееся в середине 1960-х гг. понимание сухопутных войск как сочетания мотострелковых и танковых войск (кстати, и названия были приняты именно тогда) адекватно той структуре потенциальных вооруженных конфликтов, в которые Россия может быть вовлечена?
- ❑ Допускается ли возможность возникновения угрожающего России конфликта, по своим параметрам превышающего масштабы локального? Иными словами, прорабатывались ли вопросы боевого применения российских вооруженных сил в региональном и/или трансрегиональном конфликте (а не только в локальном, для которого бригада — действительно оптимальная форма организации сил и средств)? Еще проще: каковы количественные параметры основного для российского военного планирования конфликта, сколько, как предполагается, в нем может принимать участие войск, танков, самолетов?
- ❑ С учетом ответа на предыдущий вопрос: может быть магическая цифра в 1 млн личного состава наших вооруженных сил нуждается наконец-то в пересмотре? Мне, например, кажется, что иметь сухопутные войска более 350–400 тыс. человек сейчас совершенно нецелесообразно.
- ❑ Допускается ли ситуация, в которой российским вооруженным силам придется противостоять одновременно более чем одной военной угрозе, или же наше военное планирование основано на идее о том, что российские силы общего назначения будут способны решать одну силовую задачу за раз? А при возникновении необходимости параллельно нейтрализовать вторую Россия прибегнет к ядерному оружию или помощи наших испытанных союзников?
- ❑ В какой форме, в каких организационных рамках и в каких масштабах Россия готова оказывать союзническую помощь государствам — членам Договора по коллективной безопасности? Это, конечно, мелочь и непосредственно на вопросы воинской организации данный аспект влияет слабо, однако он крайне важен с точки зрения организации штабной работы. И, кстати, а какие обязательства перед Россией несут наши союзники?
- ❑ Рассматривается ли в российском военном планировании возможность противостояния крупной коалиции, имеющей явное преимущество над Россией по ключевым видам боевой техники? Иными словами, допускаем ли мы возникновение в отношении России такой же ситуации, как сейчас возникла в отношении Ливии, и если да, то как мы думаем действовать: воевать на обозначенном нашими противниками театре военных действий или попытаться перенести боевые действия на национальную территорию стран-агрессоров? И кстати, мы действительно уверены, что для такого противостояния нам хватит бригадной формы организации войск?
- ❑ Допускается ли применение тактического ядерного оружия в отношении противника, использующего только обычные вооружения? И если допускается, то при каких условиях? Это, кстати, полезно было бы знать и нашим партнерам в НАТО. Так, на всякий случай, чтобы не питать ненужных иллюзий.



- Допускается ли российским военным руководством применение ядерного оружия в сценариях, не достигающих по масштабу до тотального ответного применения стратегических ядерных сил. Нет, не я не прошу продемонстрировать конкретные сценарии ограниченного или дозированного применения ядерного оружия. Пусть это будет важнейшей государственной тайной. Просто скажите — да или нет?

Ответы на эти вопросы, конечно, дело небыстрое. Однако именно это станет показателем внятности, если не сказать вменяемости российского военного руководства и соразмерности его усилий по реформированию Вооруженных сил реальным потребностям страны. И, может быть, руководство страны, посмотрев мудрым взором на ответы на поставленные вопросы, все же придет к суровому, но еще более мудрому выводу, что нам все же нужна несколько иная военная реформа.

ЕВРОПА НА ЗАДВОРКАХ ИСТОРИИ

Начну с вопроса: не показалось ли читателям странным то разительное изменение контекста, в том числе и информационного, в котором существует современная Европа? Если еще 10 лет назад говорилось о Европе как о противовесе США; если еще пять лет назад все были убеждены в том, что Европа является глобальной силой, постоянно укрепляющейся за счет присоединения окраин Советского Союза; если еще три года назад никто не сомневался, что Европа после выхода из кризиса станет сильнейшим экономическим игроком, то за последние полгода маргинализация Европы как глобального игрока становится настолько очевидной, что этого не замечает только ленивый. И если раньше все можно было списывать на временные экономические трудности и на то, что руководство стран *группы PIGS* (Португалия, Ирландия, Греция и Испания) заигралось в социальное государство. Однако теперь с признанием краха мультикультурализма (шутки — шутками, а мультикультурализм был основой общеевропейской идеологии) все более явными становятся признаки стратегического тупика.

Что до мультикультурализма и борьбы за права меньшинств, которые перемежаются введением то в одной стране, то в другой элементов *полицейского государства*, это процесс забавный, бессмысленный и бесконечный. Но современное состояние Европы к военно-политическим вопросам имеет самое непосредственное отношение. И в данном случае правомерен вопрос: насколько России именно с военно-политической точки зрения выгодны процессы, происходящие в настоящее время в Европе? И прийти к однозначным выводам пока не получается.

С одной стороны, чем сильнее будет давление *пояса нестабильности* на Ближнем Востоке и в Северной Африке, тем меньше у евробюрократии, да и у национальных элит будет возможностей и ресурсов, чтобы готовить крестовый поход против нашей страны. Придется все больше заниматься собственными социальными проблемами, усмирением нелегалов, которые уже рассматривают Европу как *свою* территорию, а также проведением разного рода умиротворительных акций в Средиземноморье с ограниченным кровопусканием. И это не говоря уже о том, что степень террористической угрозы для Европы существенно возросла.

С другой, при всех издержках Европейский союз начала XXI в. был настолько аморфным и внутренне вялым образованием, что только в глубокой фантазии можно было бы представить возникновение с его стороны какой-либо значимой военной или даже военно-политической угрозы России. В самом крайнем случае все ограничилось бы нытьем о необходимости гуманитарной интервенции в Россию и поддержкой, впрочем, как правило, не очень значительной, различных проходимцев, циркулирующих вокруг Брюсселя и Страсбурга. И эта ситуация, согласитесь, позволяла российским властям чувствовать себя вполне комфортно. Конечно, нарастание геополитической изоляции Европы, ее втянутость в болезненную и бессмысленную борьбу за мультикультурализм вкупе с все более забавными экономическими и политическими процессами внутри нее (и самый интересный — сочетание усиливающегося экономиче-

Конечно, спекулировать по вопросу о том, действительно ли США начали подготовку к тому, чтобы покинуть территорию Афганистана, все же пока бессмысленно. Однако ясно одно: все предыдущие попытки американцев переломить ситуацию оказались, мягко говоря, не очень удачными. Да, конечно, американцам удалось предотвратить занятие талибами южных провинций Афганистана осенью-зимой 2010 г., хотя вообще-то иной исход противоречил здравому смыслу. В конечном счете, талибы не настолько сильны, а американцы не настолько слабы и беспомощны (и к тому же численно превосходят талибов), чтобы отдавать целые провинции. Ведь если разобратся, талибы представляют собой мощную силу, но до того, чтобы стать представителями настроений всего афганского народа, им далеко. Более того, они сами многое сделали, чтобы не стать таковыми. Однако какого-то перелома, о котором раз за разом говорили американские генералы, в Афганистане так и не произошло. Год за годом в одних и тех же местах проводятся операции, регулярно посылаются brave рапорты о разгроме еще одной талибской группировки, американские беспилотники крушат все подряд в соседнем Пакистане, нанося, кажется, больше вреда США, нежели пользы. Но все это создает впечатление абсолютного замкнутого круга. Не более того.

В конечном счете, американцы, если они, конечно, рассматривали возможность превратить Афганистан в своего умеренно-стабильного союзника по образу и подобию Пакистана (хотя никаких признаков таких идей нет ни в официальных, ни в полуофициальных материалах), не смогли решить базовых составляющих такой задачи. Например, не созданы никакие основы новой экономики; более того, американцы практически не интересовались экономической инфраструктурой Афганистана, а разговоры о прокладке трансафганского газопровода носили, видимо, теоретический характер. Все, что смогли сделать американцы, так это запустить механизм создания — на традиционной для Афганистана коррупционной основе — многочисленных структур и механизмов гражданского общества (насколько этот термин в условиях данной страны в принципе применим) и политической жизни. И этот механизм существенно усилил традиционные тенденции трайбализации страны и ее разобщения по национальному и религиозному принципу. И надо признать, действия наших американских партнеров были совершенно правильными: в конечном счете, главным идейным оружием против талибов с их общеисламскими лозунгами являются не концепции демократии и прав человека, а испытанная веками национальная и религиозная рознь афганцев, равно как и покровительство наркомафии. И именно использование подобного оружия позволяет американцам сохранять видимость контроля над территорией Афганистана.

Хотя, объективно, при всех тактических достижениях американцев в Афганистане — а их, повторю, достаточно — стратегическую борьбу, борьбу за *умы и сердца* афганцев они проиграли и проиграли вчистую. Другой вопрос, что эту борьбу за последние 150 лет не выиграл никто, даже талибы и те оказались на поверку идеологическими временщиками. Так что вопрос тут только в том, чтобы знать меру и вовремя, используя красивый повод, выйти из ситуации, в которой триумфальной победы уже, видимо, не будет. И, к слову, исчезновение с политической арены Усамы Бен Ладена дает американцам блестящий шанс, использовав процесс *национального диалога* с талибами, которые вне тени основателя Аль-Каиды выглядят уже не как ближневосточный вариант *красных кхмеров*, а всего лишь как неумные религиозные радикалы, объявить о своей стратегической победе и покинуть Афганистан. Причем не удивлюсь, если объявление об эвакуации войск подгадают к ноябрьским 2012 г. выборам президента США.

Совет российским политикам: учись у классиков.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЖИЗНИ НА ЗЫБУЧИХ ПЕСКАХ ПОЛИТИКИ

Думается, прошедшего полугодия вполне достаточно, чтобы попытаться обрисовать контуры системы международных отношений, которая начинает вырисовываться в последние месяцы. В конечном счете в рамках этих парадигм нам, вероятно, придется жить еще очень и очень долго. Итак, попробуем сформулировать основные тенден-

ции в развитии ситуации в мире, которые стали очевидными в последние 3–4 месяца и которые, боюсь, просуществуют долго.

Первое. Окончательное забвение принципа национального суверенитета как основы политики. Вероятно, это естественное следствие развития глобализации, тем более что о том, что принцип национального суверенитета утрачивает свое значение, говорили многие еще в самом начале 1990-х гг. Однако сейчас — причем в последние несколько месяцев это стало все более очевидно — глобализация применительно к международным отношениям как-то внезапно обернулась *правом сильного*. Но дело не в этом. Ключевая тенденция заключается в том, что даже критики Запада, в том числе и за операцию против Муаммара Каддафи, почему-то почти перестали упоминать *национальный суверенитет* в числе своих аргументов. Да и термин *суверенная демократия*, вокруг которого еще пару лет назад ломались копыя интеллектуалов и не очень, как-то странно вышел из употребления. И это не просто еще один виток глобализации. Это признание того, что политика в новом мире не просто трансгранична, как трансгранично большинство политических и экономических вызовов современности. Это признание того, что политические процессы в современном мире будут развиваться без учета тех границ, которые нарисованы политиками прошлого. Ибо суверенитет основывается на краеугольном камне границ. А границы на Ближнем Востоке — классический пример рукотворных политически мотивированных гра-



Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса:

Экономический рост и нормализация политических отношений между основными региональными силами повысили безопасность Латинской Америки. Ключевым фактором стабильности в регионе стало снижение напряженности между Венесуэлой и Колумбией. Чавес и Сантос в ходе третьей по счету личной встречи дали ясно понять, что заинтересованы в развитии двусторонних отношений. Подписаны договоры о сотрудничестве в сферах энергетики, здравоохранения, туризма, науки и техники, совместной охраны приграничных районов и борьбы с наркотрафиком. Эти шаги к примирению двух стран дали импульс для усиления интеграции во всем регионе. Устойчивый рост экономик Бразилии и Аргентины усилил центростремительные тенденции в Латинской Америки. Выборы в Перу, независимо от исхода, станут важным этапом для интеграции страны в различные региональные экономические проекты. Между тем, главная угроза для безопасности Латинской Америки — это рост криминала. Вся Центральная Америка во власти наркокартелей. Наибольшую опасность представляет деятельность *Лос-Зетас* — криминальной группировки в Мексике, занимающейся международной торговлей наркотиками. Влияние группировки усиливается в Гватемале. Это увеличивает риски для других государств региона. Территориальный спор между Боливией и Чили стал причиной обострения двусторонних отношений. Боливия претендует на аннексированные Чили территории во время войны в Тихом океане и настаивает на пересмотре заключенного тогда договора в Международном суде. Дислоцирование британского военного корабля на Фолклендских островах и начало разведки нефтяных месторождений в территориальных водах, принадлежащих Аргентине, вызвало негативную реакцию Буэнос-Айреса. Правительство Аргентины расценило действия британцев как нарушение национального законодательства страны.



ниц. И, кстати, есть регион, в котором границы не менее, если не более, рукотворны, политически мотивированы, а главное — являются продуктом уходящей эпохи. Речь о Европе.

Второе. Рост значения военной силы по сравнению с экономическими инструментами и атрибутами силы и внешнеполитического влияния. Не исключено, что мы присутствуем при весьма специфической трансформации идеи глобальной экономической взаимозависимости. Живым воплощением этой тенденции является скрывавшийся по середине мая 2011 г. то ли в пустыне, то ли в бункере полуживой и полубезумный Муаммар Каддафи. Казалось бы, человек столько сделал, чтобы стать частью западноевропейской экономической системы, хранил деньги только в указанных европейских партнерами банках, практически остановил перевооружение армии (так что разговоры о том, что Россия якобы потеряла десятки миллиардов долларов на военных заказах в Ливии — от лукавого; если кто-то что-то реально в Ливии и потерял, так это РЖД), встраивался в западные, прежде всего в западноевропейские, экономические процессы, отправлял своих детей учиться в Европу. Иными словами, был, при всех изъянах, суперлояльным партнером европейских стран. Но при этом партнером, совершенно безоружным перед лицом внешней военной интервенции, причем не самыми могучими силами. И какой страшный финал... Но судьба Каддафи — а согласимся, к логическому завершению своей карьеры он шел сам, судьбу свою выбирал сам и мировой империализм с сионизмом здесь совершенно не причем — есть в какой-то мере индикатор нового состояния системы международных отношений. По сути дела, если отрешиться от различных деталей и особенностей, речь идет о том, что ключевым принципом, стратегией во взаимоотношениях *первого мира* (и, если так можно сказать, *полуторного* — не считать же Грецию, Португалию, Испанию, да и Италию полноценной частью *первого мира*) и *третьего* становится гуманитарный неокOLONиализм. А там, где колониализм, пусть даже гуманитарный, там немедленно появляется канонерка. Или авианосец — тут уж как кому нравится. А там, где появляется авианосец, глобальная экономическая взаимозависимость и концепция прав человека начинают приобретать весьма причудливые формы.

Третье. Нарастающая беспомощность наднациональных политических институтов. Ни один наднациональный институт в последние два с половиной года не сыграл значимой роли ни в одной крупной международной *ситуации*. А в последние два-три месяца беспомощность наднациональных институтов стала уже неприличной. Конечно, беспомощность ООН можно списать на личность нынешнего генсека, который ведет себя скорее как мелкий чиновник американского Госдепа. Невнятность общеевропейских структур — на бесцветность их руководителей Дурана Баррозу и Ван Ромпея. Но что делать с остальными глобальными структурами, которые, казалось бы, должны переживать период расцвета? Например, скажем, НАТО или *семерка*, которая, конечно, не стала *восьмеркой*, как бы этого не хотелось хозяевам Кремля, но которая и без этого превратилась в бессмысленную тусовку, интересную разве что антиглобалистам? А МАГАТЭ? И не являются ли персональные проблемы не причиной, а всего лишь следствием общей ситуации, когда реально работающие глобальные и наднациональные структуры просто не нужны? Когда они довольно быстро теряют основания для своего функционирования? А ведь основанием для функционирования подавляющего большинства наднациональных институтов в современном мире, нравится это кому-то или нет, является ялтинско-хельсинская система мироустройства. Так вот, по мере того как эта система международных отношений вместе с принципами суверенитета уходит в небытие, неэффективными, а иногда и попросту бессмысленными становятся созданные в ее рамках институты.

Четвертое. Американско-китайское противостояние, которое развивается исподволь, негласно, тем не менее становится все более очевидным фактором международных отношений. Кстати, не обратили ли читатели внимание на тот странный факт, что *сетевые* и не только сетевые революции (если считать таковой французскую вооруженную интервенцию в Кот-д'Ивуаре) возникали в тех странах, где наши китайские друзья начинали готовить себе геополитические плацдармы? И в Ливии, и в Египте, и в Йемене, в том же Кот-д'Ивуаре в последние несколько лет существенно активизи-



ровались китайские политические и экономические структуры. Если добавить к этому прямое противоборство проамериканской и прокитайской партий в Таиланде, укрепление проамериканской направленности режимов в Узбекистане и Киргизии с вытеснением прокитайских элементов, а также нарастание антикитайских настроений в Индонезии и Малайзии, то вырисовывается вполне внятная картина. А если дополнить ее усиливающимся давлением на Поднебесную по поводу прав человека и свободы Интернета, а также попытками организовать в Китае сетевые сообщества проамериканского толка (вернее, имитировать, не слишком вкладываясь в эти проекты, однако в достаточной степени для того, чтобы напугать наших китайских друзей), то картина становится вполне законченной. Еще более законченной, я бы даже сказал *залакированной*, картина станет, если в ближайшее время *сетевые революции* или что-то подобное начнет происходить в некоторых странах Африки, к которым китайцы в последние годы проявляли большой интерес. Иными словами, Китай, который так мощно выступает на экономическом фронте, начинают явственно политически *обкладывать*. В целом, ничего неожиданного не происходит: никто, надеюсь, и не предполагал, что США так легко согласятся на восстановление так попортивший им нервы bipolarности, тем более, bipolarности с элементами прямой экономической конкуренции, чего в период холодной войны не было и в помине. Так что пока американцы с неизменным успехом показывают Пекину, что никакого другого ключевого рынка, кроме рынка США, у Китая не будет, надежды на торгово-экономическую гегемонию в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке наивны. А главное, единственной дверью, которая ведет Пекин к глобальному влиянию и присутствию, является дверь в особняке по адресу 1600, Пенсильвания авеню. Все попытки Пекина пролезть в мировые гегемоны без *американского батки* будут жестко, даже где-то демонстративно пресекаться. Ну а для того чтобы китайские руководители не чувствовали себя полностью униженными, они могут почитать статью о растущей мощи КНР в каком-нибудь американском еженедельнике. Мелочь, а приятно.

Пятое. Международная политическая ситуация развивается на фоне полной невнятности относительно будущего мировой экономики. Конечно, *постфукусимская* ситуация в мировой энергетике добавила хлопот, но, очевидно, что туманность глобальных экономических перспектив существовала и до этого прискорбного события. Кризис европейского социального государства (и дело тут не только в Греции, хотя именно эта страна являет собой наиболее яркий символ кризиса европейской социально-экономической системы), ожидание второй волны кризиса в американской экономике, образование одновременно двух финансовых пузырей: на золотом и нефтяном рынках (так и хочется сказать: «*Боливар не выдержит двоих*»), — все это не главное. Главное, что пока — и это «пока» длится лет 20 — не удается сформулировать то, что станет базовой глобальной технологической платформой на будущие 50 лет. Ибо вообще-то в мире всем вменяемым людям понятно, что Интернет-экономика находится *на излете* своих возможностей с точки зрения стимулирования глобального экономического роста. А значит, нельзя даже *вчерне* набросать контуры грядущей мировой экономической системы. Нет, конечно, можно и дальше верить в то, что можно назвать *твиттер-экономикой*, но чем дальше, тем более несерьезно все это выглядит.

А знаете, какое ощущение возникает после перечисления и попытки бегло проанализировать все эти тенденции? Ощущение зыбкости мира, обманчивости авторитетов, непрочности репутаций. Ощущение большой закулисной игры, которая вот-вот вырвется *из-под ковра*, и мы ужаснемся тому, насколько циничны, жестоки и подлы были те, кто еще минуту назад вещал с трибун о правах человека и развитии демократии.

А, кстати, мы готовы к тому, что *скелеты* могут выпасть и из нашего шкафа? Нет? Тогда пора *лечить Твиттер*, сиречь девиртуализировать свою политику и начинать заниматься делом.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

- ¹ Дословно Барак Обама заявил «my position has been misrepresented several times» и «Israelis and Palestinians will negotiate a border that is different than the one that existed on June 4th, 1967», <http://www.aipac.org/PC/webPlayer/2011-sunday-obama.asp> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ² Ответ Директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России С.В. Вершинина на вопрос СМИ относительно встречи палестинских организаций в Подмосковье, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3557FCC70B2D9B11C325789B00361EEB (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ³ Там же.
- ⁴ Лавров призвал ФАТХ и ХАМАС осуществить примирение на практике, <http://rian.ru/politics/20110523/378824503.html> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁵ Entitlement Cuts Opposed By Americans, Poll Finds, http://www.huffingtonpost.com/2011/07/07/pew-research-americans-fa_n_892445.html (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁶ Илларионов Андрей. Есть ли альтернатива грузинским реформам? *Время свободы*, <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24183259.html> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁷ Эта формула крупнейшего христианского мыслителя Квинта Септимия Тертуллиана обычно известна в искаженном виде «Credo, quia absurdum est» (верю, потому что это противно разуму). Оригинальный же текст выглядит несколько иначе: «certum est, quia impossibile» (это верно, потому что невозможно).
- ⁸ Дмитрий Медведев провел во Владикавказе заседание Национального антитеррористического комитета. — 22 февраля 2011 года, <http://www.kremlin.ru/news/10408> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ⁹ Карл Поппер, *Открытое общество и его враги*. М. 1992. Т. II. С. 112–113.
- ¹⁰ Будущее российско-американских переговоров по ядерному разоружению. *Ядерный Контроль*. 2011, Вып. 5 (406), http://www.pircenter.org/data/publications/УК_5_2011.htm (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹¹ Генштаб РФ требует от НАТО гарантий ненаправленности ПРО против России. *Ядерный Контроль*. 2011, вып.7 (408), <http://www.pircenter.org/data/publications/ук7-2011.htm> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹² Олег Владыкин. ПРОпащая инициатива. *Независимая газета*. 2011, 16 мая.
- ¹³ Д. Рогозин уверен, что создание ЕвроПРО без участия России невозможно. *РБК*. 2011, 16 мая, <http://www.rbc.ru/rbcfreenews.shtml?/20110516182724.shtml> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁴ Пресс-конференция Президента России. 2011, 18 мая. Москва, <http://www.president.kremlin.ru/news/11259> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁵ РФ разочарована отказом США дать гарантии по ПРО в Европе. *РИА-Новости*. 2011, 16 мая, http://www.rian.ru/defense_safety/20110516/375332923.html (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁶ Что и требовалось доказать: «Перезагрузка» пойдет прахом? *Фонд Стратегической Культуры*. 2011, 16 мая, <http://www.fondsk.ru/news/2011/05/16/chto-i-trebovalos-dokazat-perezagruzka-poidet-prahom.html> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).
- ¹⁷ Передача «Утренний Разворот». *Эхо Москвы*. 2009, 12 июня, <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/598443-echo> (последнее посещение — 1 июля 2011 г.).